

ИЛЬЯ БУШМИН

Один из нас

Илья Бушмин

Один из нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329638

ISBN 9785447401702

Аннотация

Бесследно пропадает участковый полиции. Кому помешал простой участковый? Как и почему в его доме оказались игральные фишки из казино? Как в этой истории замешаны наследники влиятельного цыганского наркобарона? И зачем в город приехала группа особо опасных преступников с 10 килограммами чистейшего героина? На эти и другие вопросы предстоит ответить операм из отдела по расследованию убийств. Это будет самая опасная битва в их жизни...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	37
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Один из нас

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-0170-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В наушниках редела музыка. Сюрреалистический текст под гитарный стрекот навевал мысли об иллюзорности всего окружающего, а скопление полицейских машин впереди на миг показались Турову ненастоящими – словно картинка из клипа.

Они в беспорядке стояли у обочины гравийной дороги на окраине города, которая тянулась вдоль заброшенных ангаров и полуразрушенных складов. Экипаж ДПС, фургон дежурной части, машины руководства и прочие – полный набор.

Туров остановил свой «Логан» и, вынимая из ушей полусферы наушников, вышел из машины. Сразу же парнишка-сержант шагнул к нему, но узнал Турова и остановился.

– Где?

ППСник кивнул в сторону, понимая, что Туров и сам разберется.

Между двумя заброшенными строениями Туров различил полностью выгоревший автомобиль – черный покореженный высокими температурами скелет кузова виднелся около обугленного кустарника. Вокруг сгоревшего авто копошились криминалисты. Туров направился к ним, осматриваясь. В стороне он различил Кузьмина, хмуро говорящего по сотовому.

– Здорова, – перед Туровым вырос Матвеев, на его лице была полоса сажи. Туров пожал ему руку:

– Лицо вытри.

– Что?

– Рожу вытри. Где труп?

– Нет никакого трупа, – Матвеев провел ладонью по щеке. – Все?

– На другой, и на лбу немного. Как так – нет трупа?

– Только тачка.

– А мы почему?

Матвеев даже не слушал его, чертыхаясь под нос и стирая сажу с лица. Туров направился к Кузьмину, который убрал сотовый в карман и сдержанно кивнул оперу.

– Валерий Анатольевич, а жмура что, нет? – на всякий случай уточнил у шефа Туров. Это все меняло – при отсутствии трупа они могли уже через час отчалить отсюда, а не возиться на месте преступления часа три-четыре минимум, как обычно.

– Машина принадлежит капитану Самохину, – так же сдержанно, как обычно, ответил Кузьмин. – Знаешь его?

– Кто это? – до Турова начало доходить. – Мент?

– Участковый в местном отделе, третий опорник. Остальные когда подъедут? – Кузьмин, почесывая свою рыжеватую бороду, хмуро покосился на сгоревшее авто, вокруг которого сновали криминалисты с оборудованием. – Нужны все. Дело, походу, серьезное.

Савченко проснулся мрачный и подавленный. Ему снилось что-то тоскливое, от чего хочется сдохнуть. Савченко знал, почему, и не задавал своему подсознанию никаких вопросов. Опостылевшее солнце пробивалось сквозь шторы, но сейчас даже оно казалось Савченко серым.

Вздохнув, он отключил будильник и пошамкал на кухню. Припал к чайнику, но не рассчитал и наклонил его сильнее, чем следовало. Струи воды хлынули из уголков рта, заливая майку и трусы.

– Твою ж...! – Савченко отдернул чайник. Крышка слетела и укатилась в центр кухни. Савченко с чайником в руке обернулся на нее, посмотрел на свое мокрое белье, чувствуя, как в нем закипает ярость.

– Сука! – рявкнул он, не рассчитывая даже начинать бороться с собой, и в припадке бешенства швырнул чайник в сторону. Гулко шмякнувшись об стену, тот упал на пол, заливая линолеум водой. Пятно разрасталось вокруг стены, самые отчаянные струйки побежали к столу.

– Черт, – пробормотал Савченко. До него запоздало дошло, каким идиотом он выглядит со стороны. Устало Савченко поднял чайник – для этого пришлось наступить в прохладную лужицу – и так же медленно и устало поставил на грязную газовую плиту.

Не хотелось ничего делать. Ни одеваться, ни идти на эту долбанную работу, ни даже, на самом деле, пить. Не хотелось жить. Тоска, поселившаяся в нем уже очень давно, сегодня зашкаливала.

Савченко медленно опустился на табуретку и закурил. Даже зажигалка, брошенная на стол, укатилась и чуть не свалилась на пол, в воду – но Савченко удалось ее перехватить.

– Твою же мать, а! Задрали! – зашипел он, чувствуя новую волну вздымающейся ярости в груди. В висках стучало. Савченко бросил зажигалку, мысленно грозя разломать к чертям собачьим и вышвырнуть ее в форточку, если она упадет не там, где следовало. Сделал глубокую затяжку. Ярость с выдохом, кажется, отступила... но не тоска.

Савченко покосился на отрывной календарь. Привычка покупать его осталась еще со времен Вали. Привычка отрывать каждый вечер листок тоже – он не забывал сделать этого даже в самом сильном подпитии – почти на уровне рефлекса.

23 мая, гласил календарь.

К горлу подступил комок. Савченко накрыло таким покрывалом тоски и безнадёги, что хотелось взвыть. Криво и обреченно усмехнувшись, Савченко прикрыл глаза...

В прихожке зазвонил сотовый. В висках, как по команде, снова застучало. Отвалите все, что вам нужно? Телефон звонил. Савченко встал, побрел к двери... и поскользнулся в луже на ставшем чудовищно мокрым кухонном линолеуме.

– Ааап! – невольно вскрикнул он, хватаясь за стол. Усто-

ять ему удалось, хотя в лодыжке что-то хрустнуло. Плюс сигарета свалилась в воду. В бешенстве Савченко долбанул кулаком по столу так, что зажигалка и пустой грязный стакан на столе подпрыгнули, и взревел:

– Да что же это, б... дь, такое?!

Телефон звонил. Тяжело дыша, Савченко осторожно, чтобы не свалиться на пол, выкарабкался из залитой водой кухни в прихожую. Выдохнул, пытаясь успокоить нервы, и взял трубку.

– Да...

– Коль, ты еще дома? – Савченко узнал голос Турова. – Шеф требует всех.

– До развода еще полчаса, – буркнул Савченко.

– А ты еще в трусах, угадал?

– Свои фантазии при себе оставь. И иди в задницу.

– У нас возможно мокруха. Один из наших, из ментов.

Так что подтягивайся. Адрес скину СМСкой.

Савченко прикрыл глаза и выдохнул.

– Понял. Давай.

Повесив трубку, он с предосторожностями вернулся на кухню. Надо будет вытереть пол, пока соседей не залило. Черт. Снова опустился на табуретку и снова закурил. Взгляд Савченко, полный запредельной усталости, безнадеги и тоски, упал на пол – но Савченко не видел ничего.

Мысленно он сквозь время и пространство уносился далеко-далеко.

Туда, где – точнее, когда – все было совсем по-другому.

– Что тут?

– Да ничего, – криминалист протянул руку с закрытой ладонью, и Туров пожал запястье – пальцы были в саже. – В гараж надо отгонять и там изучать уже, с ультрафиолетом и все такое...

– Я не про то. Салон бензином облили или как?

– Аа. Не. Я так понимаю, бензобак подожгли. Тряпку засунули и... – криминалист резко рявкнул в сторону: – Петро, проволоку уже убрал?

– Нет еще, – отозвался второй, который с помощью гипса пытался снять слепок следа подошвы с земли. Вздыхнув, он взял с чемоданчика лежащий сверху изогнутый на манер длинного рыболовного крючка кусок проволоки, запакованный в полиэтилен, и протянул криминалисту. Тот продемонстрировал находку Турову:

– Тряпку нанизали на крючок, затолкали в бензобак. Когда намокла, вытащили. А потом все просто: зажигалка и... БУМ!

Криминалист раздвинул в стороны руки, показывая, каким большим мог быть «бум».

Кузьмин в это время в стороне общался с майором из местного МОБ, который подъехал из управления. Майор

мрачно качал головой, глядя на выгоревший скелет от машины участкового Самохина:

– Охренеть, а... Как вы ее узнали-то?

– Гайцы обнаружили. Пока ехала группа, расчистили номер и пробили его по базе, – объяснил Кузьмин. – «Ситроен», владелец Борис Алексеевич Самохин.

– Охренеть... – майор вздохнул. – Я как услышал от дежурного, сразу в опорник позвонил. Послал человека к Самохину домой. Он сейчас доложил. Соседи говорят, Самохин и вечером не появлялся.

– Соседи, – скептически пожал плечами Кузьмин. Майор мотнул головой:

– У него квартира на первом этаже, окна как раз на подъезд выходят. А там вечно бабки сидят, которые все знают и... А Самохин все-таки мент, на слуху и на виду, так что... – майор снова вздохнул, снял фуражку и вытер лоб. – Охренеть. Вот уж не думал...

– Хорошо его знал?

– У меня всего сорок человек, в отделе да по опорникам, так что неплохо. А теперь такое...

– Когда его видели в последний раз?

– Вечером, когда он уходил. В опорнике сказали, часов 7 было. Самохин был трезвый, нормальный. Даже, говорят, жизнерадостный какой-то... – майор покосился на выгоревший «Ситроен». – Может, он пропал как-то просто? Твое мнение, Валер, как опера?

Кузьмин подумал, прежде чем ответить.

– Пропал, но его тачку спалили. Телефон отключен. А самого его, – Кузьмин машинально глянул на часы, – не видели уже 14 часов. Конечно, все может быть, но... Скажем так, я бы особо не питал сейчас иллюзий.

Майор хмуро кивнул.

– Если так, то это огласка, пресса, шум... Охренеть... Валер, если что от нас надо, звони сразу мне. Окажем любое содействие. И ты уж постарайся, что ли, – майор выдержал паузу перед тем, как добавить: – Все-таки он... один из нас.

Учитывая, что речь могла идти об убийстве полицейского, городской СК расщедрился и сразу подрядил следователя, который и приехал на место обнаружения «Ситроена». Мало того, СК дал и дежурного следака, с которым Матвеев и Туров отправились на осмотр квартиры Самохина.

Это была двухкомнатная квартира на первом этаже. О том, что здесь живет не самый последний человек, говорили дорогие кондиционеры, дорогие окна из черного дерева, дорогая мощная матовая железная дверь и сигнализация. Она была включена – войдя внутрь с помощью инструмента, пришлось слушать ее пиканье, а потом разговаривать с бывшей на вызов группой захвата из одного из городских ЧОП. Но обстановка в квартире была еще более шикарной,

чем внешние признаки. Эксклюзивная резная мебель, ковры, сувениры и бытовая техника. Матвеев даже присвистнул:

– Чтоб я так жил.

– Тебе только жаловаться, – хмыкнул Туров. – У тебя студия на верхнем блин этаже с панорамными окнами.

– У меня две зарплаты, мента и инструктора. А квартира, кстати, съемная...

Матвеев был инструктором по йоге. Молодой, стройный и довольно смазливый, он пользовался успехом у слабого пола. А благодаря дополнительной работе в фитнес-клубе – секция для женщин – Матвеев буквально купался не только во внимании девушек, но и в деньгах. Хотя сам он это отрицал.

Опера осмотрели гостиную. На полке с документами Туров обнаружил пакет, развернув который, увидел толстую пачку денег. Тысячные и 5-тысячные купюры. Он показал деньги следаку:

– Смотрите.

– Сколько там?

– Точно не знаю, но... сразу несколько моих зарплат.

Они с Матвеевым многозначительно переглянулись. Следователь понял, о чем речь, и почесал голову.

– И что делать будем? Изымаем? – Туров пожал плечами. Следователь вздохнул и достал сотовый: – Позвоню-ка я начальству... Мне рамсы с ментурой не нужны. Еще крайним потом сделают...

Копаясь в другом шкафу, Матвеев что-то обнаружил и обернулся.

– Сань.

Туров подошел, и Матвеев продемонстрировал ему свою находку – пригоршню круглых игральных фишек. Туров взял одну из них. Черная с красной окантовкой и золотым сердечником, на котором красовалась красная же люминесцирующая надпись: «VEGAS».

– Приколи, – тихо сказал Матвеев. – Въехал, откуда бабосы?

– Что со звонками?

Сечин, здоровенный бугай, посмотрел распечатку.

– Был один звоночек интересный, Валерий Анатольевич. Ровно в 7.05 вечера.

– Кто звонил?

– Самохин. На сотовый. Разговор меньше минуты. А сейчас этот сотовый, что интересно, в отключке.

– Кому принадлежит? – Сечин пожал плечами. Кузьмин нахмурился. – А поподробнее можно?

– Сим-карта ни на кого не зарегистрирована.

– Так бывает?

– Левая симка, Валерий Анатольевич.

– Домой Самохин после семи вечера не возвращался, это

точно?

– Мы пробили в ЧОПе, который его квартиру на сигнализации держит, – кивнул Туров. – На охрану объект поставили в восемь утра вчера. После этого в квартире никто не появлялся.

Кузьмин нахмурился. Взяв со стола игральную фишку с надписью «VEGAS», упакованную в полиэтилен, он покрутил ее пальцами.

– Значит, Самохин кому-то позвонил. А после этого его никто не видел... Пробеите все об этом «Вегасе». БЭП запроси, по донесениям проверь.

– Рыльцо в пушку у нашего участкового, – осторожно произнес Матвеев. Кузьмин мотнул головой:

– А давай пока не делать выводы. Что с родственниками? Туров как раз просматривал копию личного дела капитана Самохина, присланную из отдела кадров.

– В его деле говорится, что Самохин не женат и женат не был. Родители умерли. Из близких родственников только брат.

На столе у Кузьмина зазвонил сотовый. Глянув на дисплей, Кузьмин сбросил звонок.

– Я уже распорядился прочесать весь участок, который Самохин обслуживал. Тем более, он там рядом жил. Местные опера и ППСники порейдуют немножко. Если всплывет информация, сразу позвонят, – Кузьмин поколебался. – У нас скорее всего мокруха... Так что Туров, подготовь ори-

ентировку на розыск. И прошерстите как следует его связи и последние контакты. Всех из телефонной книги его мобилы.

– Ваш брат.

– Чего?

– Нам очень жаль... Он пропал. Возможно... возможно, его больше нет с нами.

– Чего?

– Может быть, его убили. Это не факт, мы надеемся на лучшее, но готовиться стоит к худшему.

Обрюзгший краснорожий мужик, которому по паспорту было лишь 32, а внешне можно было дать все 40, неопределенно кивнул и лишь после этого посторонился, пропуская в квартиру Сечина.

Это была грязная однушка с засаленными стенами. Мужик, родной брат участкового Самохина, шагнул на кухню. Войдя следом, Сечин увидел штабели пустых бутылок на подоконнике и под столом. Мужик открыл холодильник, достал банку пива. Дернул кольцо – банка щелкнула и чуть зашипела, открываясь. Мужик крепко приложился, залпом осушив полбанки, крикнул и сел на расшатанную табуретку у окна.

– Вон оно че, – равнодушно отозвался он.

– Вы брата когда видели в последний раз?

– Да хрен его знает... Давно.

– Не созванивались, не заходили в гости?

Мужик хмыкнул.

– В гости, мля... Он же у нас крутой. Капитан полиции, мля. Живет в хоромах, ездит на тачке зашибенной.

– Больше не ездит.

– Чего?

– Ее сожгли, а он пропал. Больше не ездит.

– А, ну да... Отъездился, значит. – мужик снова глотнул пива и снова крикнул. – Хорошо с утречка, а?

– Базара нет, с утречка просто шикардос, – вынужден был согласиться Сечин. – То есть, вы не общались с братом, так?

– Я как-то раз заскочил к нему. В выходной, вечером. Соточку занять на пару дней. Он на пороге своего дворца стоит, у него там музыка, баба хихикает, и он весь такой буржуй... И знаете чего? Не дал. Даже соточки. Брату родному. Прикиньте?

Сечин, думая, что ответить, понял, что тоже черта с два дал бы этому алкашу денег, поэтому лишь издал неопределенное:

– Хм.

– Во-во. Родному брату... Общались мы или нет, говорите? А вы как думаете?

– Значит, у него женщина была? Кто, не знаете?

Мужик допил пиво, вздохнул, смял банку.

– Вроде мутил он с какой-то... Ритка звать. Шалава шалавой на рожу, честно говоря.

– Рита? Маргарита то есть?

Мужик пожал плечами, закуривая дешевые вонючие сигареты. Шагнул к холодильнику и выудил из его нутра вторую банку. И настороженно замер с ней.

– Слушайте... А если он того, если он помер... Кто его хоронить будет? Я не собираюсь, у меня своих дел хватает!

– Скорее всего, все расходы на погребение и организацию возьмут на себя городское и областное УВД, – нахмурился Сечин. – Он был один из нас. Обычно делается именно так.

– А, ну тогда ладно, – сразу же успокоился и даже обрадовался мужик, открыл пивную банку и с наслаждением приложился к ней.

– Ты на часы смотрел, Коль?

Кузьмин говорил подчеркнуто устало, как с ребенком, что бесило Савченко еще сильнее.

– Говорю же, потом был небольшой, – буркнул Савченко. Тем более, это было практически правдой. – Кран прорвало с утра.

– Позвонить нельзя было?

– Не до этого, блин! Воду вытирал. Пока соседи хай не подняли. У меня внизу такая семейка живет... Как гово-

рится, не наступай – не завоняет.

Кузьмин поднял на него сухой взгляд.

– С похмелья?

– Дыхнуть? – с вызовом прорычал Савченко. Кузьмин жестко парировал:

– Надо будет, дыхнешь!

– Валер...

– ...Анатолевич, – поправил Кузьмин. На этот раз парировал Савченко:

– Я в курсе.

Дуэль пора было прекращать. Кузьмин постучал пальцами по столу и бросил:

– Ладно, иди, – но только Савченко встал, как шеф одернул его: – Ты у следаков забрал карточку? По бытовухе на Максимова? – Савченко замялся, и Кузьмин с готовностью снова включил начальника: – Твою мать, Коль, что за дела? Закрывать надо материал, сроки к концу подходят! На работе появляешься хрен знает когда, материалы вовремя не...

– Завтра заберу, завтра, Валер... – Савченко повернулся и уже в дверях едко добавил: – Александрович.

После разговора с начальством нестерпимо хотелось курить. Савченко отправился в курилку на лестнице, где застал

Турова. Тот читал какие-то бумаги.

– Отгреб? – спокойно осведомился Туров, шурша страницами.

Савченко зло сунул сигарету в зубы и чиркнул зажигалкой.

– ЩАЗ! Отгреб... Что он мне сделает? Я ему на стол могу кучу навалить – и хрен он мне что сделает. Отгреб...

Туров поднял глаза, внимательно наблюдая, как Савченко зло шагает взад-вперед по курилке, пыхтя дымом.

– Колян, я бы на месте Кузьмина тоже тебе предъяву написал. Он прав, понимаешь?

Савченко побагровел.

– В чем, б... дь, он прав? Я ему объяснил, у меня уважительная причина! Да, у меня часто уважительные причины. Такой вот я уважительный и причинный! – Савченко всплестнул руками, стряхнул пепел и вперил палец в Турова. – А ты не на месте Кузьмина. Это во-первых. По крайней мере, пока не на его месте. Не забывай. А во-вторых, будь ты на месте Кузьмина, ты мне тоже хрена с два что сделал бы. Я маньяка поймал. Не ты и не этот рыжий хлыщ с бородой. У меня наград столько, сколько ты разве что в музее видел, куда тебя батя в детстве водил...!

Это была ошибка.

Отец Турова был ментом. Туров, для которого батя был примером во всем, даже не думал, кем ему стать, и сразу после школы отправился в учебку. Но во время службы Туров

столкнулся с пренебрежением со стороны коллег. «Папаша протолкнул», «Приперся на все готовенькое», – шептались они за спиной Турова. Огромных сил ему стоило доказать всем вокруг, что Туров как опер и сам чего-то стоит.

А потом отец погиб. Это было во время его второй командировки на Северный Кавказ. Погиб героически – прыгнул на гранату и спас сослуживцев. На доме, где вырос Туров, все еще висит мемориальная табличка с высеченным именем его отца...

Туров сжал зубы, встал и двинулся к двери.

Простонав, Савченко перехватил его за руку.

– Сань, извини. Не надо было батю твоего приплетать.

– Не надо было, – сухо согласился Туров, высвобождая руку.

– Ну извини, сказал же. У меня... нервы ни к черту. Ты знаешь, я твоего батю уважаю, все дела. Я его сам знал, так что...

Туров вздохнул.

– Ладно. Да не только в бате дело. – Туров поколебался. – Знаешь эту байку? Про строителя мостов?

– Что? – Савченко был обескуражен. – Какого нахрен строителя?

– Жил один парень. Он мосты строил. Хорошо строил. Красивые и прочные, крепкие такие мосты. И все называли его строителем мостов. Гордо так, с уважением.

– И... что? – Савченко недоумевал.

– А потом строитель мостов однажды трахнулся с мужиком. Не знаю, что на него нашло, но так вот вышло. Один раз. Мосты он строил всю жизнь, а с мужиком – один раз. Но его больше не называли строителем мостов. Знаешь, как его называли?

Савченко почувствовал, как в нем закипает ярость.

– Ты... Ты, б... дь, за базаром...!

– Я не к этому! – рявкнул Туров. Он умел гасить приступы гнева напарника в зародыше. Спокойнее он продолжил: – Один раз может испортить все. А у тебя наоборот. Ты один раз очень конкретно отличился. А сейчас каждый день ведешь себя, как...

– Как? – с вызовом процедил Савченко. – Ну, как кто? Давай, скажи!

Туров снова вздохнул.

– Закругляйся себя в грудь бить. – сказал он устало. – Когда-то ты поймал маньяка, базара нет. И сейчас тебе прощают любой косяк, базара нет. Но... Колян, ты же хороший опер! Всех нах посылать – это что – то, что тебе нужно? Самому-то не тошно еще?

Савченко помолчал, мрачно хмыкнул каким-то своим мыслям. Затем медленно опустился на освобожденный Туровым единственный стул в курилке и провел ладонью по липкому лицу.

– Тошно. Если бы ты знал, как.

В опорный пункт полиции №3, который приютился в старом здании на улице Аксакова, отправились целой группой: Туров, Савченко и Сечин. Сечина захватили по простой, но важной причине – он в свое время сам был участковым в районе и знал большинство местных «шерифов».

Капитан, возглавляющий опорник, развел руками:

– Да обычный участковый. Звезд с неба не хватал, конечно, но кто сейчас хватает...

– Оно и верно, – саркастически буркнул Савченко. – Мы не для того в ментуру идем, да?

– Вы на что намекаете?

– А вы во всем видите подтекст? – Савченко горел желанием вступить с кем-нибудь в перебранку, чтобы выместить свое раздражение. – Знаете, как про таких говорят? Если человек мнительный, значит, это не просто так.

Капитан побагровел.

– Слушайте сюда...!

– Нет, ты слушай сюда, капитан! – рявкнул Савченко. – Базары базарами, но мы сюда пришли не в картишки перекинуться или кому-то косичку заплести! Ваш сотрудник пропал, возможна мокруха! А учитывая, что его тачку спалили к е... ням, то мокруха даже слишком возможна! И мы хотим знать, что за фигня. Твой шеф из управы обещал нам полное содействие. Очень хотелось бы видеть это содействие

не только от твоего шефа, но и от его подчиненных, например от тебя. Андестэнд ми?

Капитан полыхал, но молчал, гадая, какую стратегию выбрать – успокоиться или наоборот, дать отпор. Положение решил исправить Туров.

– Капитан, давайте спокойно. Мой коллега на нервах, простите его. Но в целом он прав. Если Самохина встретил какой-то обколотый отморозок с ножом, мы нашли бы его труп на улице. Но трупа нет, а машину спалили. А что это значит? Попахивает организацией, понимаете? Возможно, заказуха. Мы просто хотим разобраться. Помогите нам. Это ведь нужно всем, правильно?

– Вот это я и имел в виду, – ввернул Савченко. Туров поморщился:

– Я тебя умоляю, Коль!

Капитан выдохнул, выпуская пар.

– Понимаю я все. Но я серьезно говорю. Самохин в органах пятнадцать лет. На этом участке восемь...

– Большой участок?

– 16 тысяч человек, – капитан кивнул на Сечина. – Вот, Миша знает.

– Самый большой участок в опорнике, – подтвердил Сечин. – Спальный район, жилые дома и магазины. Все этот район Соплевка называют.

– Какое шикарное название, – ухмыльнулся Савченко. – Поэтичный у нас народ, правда? Район Соплевка, река Ржа-

ка... Село Блевота, говорят, есть... А самое главное, что все эти названия не только потрясаяще красивые, но и точные.

– По работе конфликты были? – спросил Туров. – С кем-нибудь из клиентуры? Отморозки какие-нибудь на участке, рецидивисты...?

– Я все материалы вам передам, полный список тех, кто на учете.

– И материалы, которыми занимался Самохин. За последние года три-четыре.

– Все? – оторопел капитан. Вопрос был непростой. Вмешался Савченко:

– Лет пять назад в Южном ППСника убили, – в своей язвительно-саркастичной манере поведал он. – Весь район перевернули. Всех, кого он брал на маршруте за последние месяцы. Через нас человек 500 прошло. Глухо. А потом, через полгода, вдруг с зоны наколочка приходит. Красавчик один, который за кражу на три года загремел сразу после мокрухи, в камере ляпнул, что наказал мента. Знаете, за что? Тот выезжал на пьяную драку и назвал его козлом. Красавчика этого не задерживали даже. А он ППСника запомнил. И через три года просто заметил его на улице... И все – нет больше ППСника. Так что как вы сами вообще думаете, нам все материалы нужны или так, парочку?

Капитан побряхтел, прочистил горло. Было видно, что Савченко он уже практически ненавидит.

– Я понял. Все сделаем.

Пока сотрудники опорника готовили материалы, снимали копии и распечатывали данные из рабочих компьютеров, Сечин вышел подышать. И встретил бывшего коллегу, который с папочкой под мышкой брел к опорнику.

– Костян, какие люди! – Сечин, широко скалясь, хлопнул его по руке. – Жиром оброс, а? Смотри, какой бекон! – Сечин бесцеремонно потряс пузо Костяна. – Хватит сотне англичан на завтрак!

– Хорош меня лапать, противный, – хохотнул Толян. – Ты чего тут?

– Ну как. Самохин ваш.

– А... – Толян погрустнел. – Да... Хоть бы живой был... Вы как, что думаете? Есть шансы?

Сечин уклонился от ответа:

– Да я так, на подхвате. Ладно, давай не будем о грустном, ё-мое. Ты-то как? Женился на своей?

– Да пошла она! Выпер нахрен. Эта коза мне давай жену включать, как только ко мне жить переехала. Оно мне надо?

Сечин расхохотался:

– А я тебе что говорил? Я сразу говорил! Я предупреждал! Слушай дядю Мишу в следующий раз, дядя Миша много баб повидал, и поэтому мудрый!

– Да уж... Михан, я это, по заявкам сегодня бегаю. Давай

как-нибудь словимся, пивка выпьем, побазарим... А сейчас в натуре бежать надо.

– Да не вопрос! Пейте пиво пенное, будет пузо офигенное, – гогоча, Сечин снова потрепал Толяна за живот. – Я в любой день готов, ты меня знаешь.

– Зашибись, договорились! – Толян с ухмылкой ткнул палец в грудь Сечину. – Но если еще раз меня за живот схватишь, я тебя за домогательства засужу, понял?

Материалов уже набралось на три толстые папки, и бумаги все пребывали. Даже Савченко погрустнел, понимая, сколько им придется разбирать этот вал. Туров принялся листать бумаги с последними материалами. Когда капитан занес очередную порцию документов, Туров осведомился:

– Капитан, у вы дома у Самохина бывали?

– Я? – капитан даже растерялся. – Ну... Так, пару раз. На день рождения заезжал.

– Обстановочка у него нехилая. Как будто бизнесмен какой-то живет. – Туров улыбнулся, чтобы перевести на несерьезную волну серьезную тему: – В долг до зарплаты Самохин явно ни у кого не занимает, а?

Но капитан был не так прост.

– Ну да, живет он неплохо. Но он один, холостой. Родителей нет, помогать некому. Вся зарплата на себя.

– Понятно. А я, когда увидел квартиру, грешным делом подумал, что Самохин в Вегасе кучу денег выиграл.

Туров не сводил глаз с капитана, но тот и бровью не повел при упоминании «Вегаса».

– Человек обустраивается с годами, постепенно покупает себе мебель, вещи... Это нормально, правильно?

– Капитан, такой еще вопрос. Как у вас с игорными клубами? На участке Самохина, например?

– Игорными клубами? Это незаконно.

– Вы специально говорите очевидные вещи? – не выдержал Савченко. – Игорные клубы вне закона, коррупция тоже, а еще все люди должны быть вежливыми, мило и приятно улыбаться и непременно хорошо пахнуть. Капитан, я тебя умоляю! Ты прям не капитан, а капитан Очевидность!

– То есть, на участке Самохина нет ничего такого? – не унимался Туров. – От него ни донесений не поступало, ничего?

Капитан насторожился, словно что-то вспоминая. Затем взял одну из папок и принялся быстро листать.

– Донесения, донесения. Точно. Смотрите, – капитан выудил одну из бумажек и вручил Турову. – Вспомнил. Это он два месяца назад подавал. Но были и другие, на эту же тему.

– О чем речь?

– На его участке активизировалась наркоторговля. Наркоманы чаще стали хулиганить, в подъездах обколотых упырей подбирать чаще стали... И Самохин, так сказать, по агентур-

ным данным, установил, что к этому могут быть причастны лица цыганской национальности.

– По агентурным?

– Ну, у участковых тоже есть своя агентура. Мы конечно не опера, но дело свое знаем.

Туров пробежал донесение. Ссылки на агентуру не было, даже придуманного псевдонима, которые что опера, что и участковые высасывали из пальца, «легализуя» случайно просочившуюся к ним информацию.

– Так. А кто у него агентура?

– У нас работа с агентурой не регламентируется, учета нет, агентурные дела нам тоже вести не нужно. Так что это может быть любой с его участка. А как я уже сказал... – капитан указал на толстые папки на столе. – ...Это 16 тысяч человек.

– Я пробил этот «Вегас» по архивам, – пробурчал, жуя курицу по-купечески, Матвеев. – Название распространенное. Когда-то несколько игровых залов таких прикрыли. И пару казино. Последнее в прошлом году.

– Но это не оно? – Туров подцепил вилкой кусок бефстроганова. – Лаваш передай.

– Держи. – Матвеев бросил Турову пакет с лавашом и отодвинул пустой контейнер. – А морковка по-корейски сегодня как, удалась?

– Сам попробуй, – хмурый Савченко подтолкнул Матвееву емкость с салатом.

– Ага, спасибо. Не оно. Я посмотрел даже фотки изъятого оборудования. У нашего «Вегаса» совсем другая символика. В смысле, логотип или как там его. И фишки, которые мы нашли дома у Самохина, нигде не попадались.

– А в донесениях? – Сечин рыгнул. – Окорочка сегодня пережаренные.

– Тоже пробил по ключевым словам. От агентства ничего про «Вегас» не было. Разве что от личных стукачей, которые негласно работают... Дай-ка я окорочка попробую. Нет, мне вон тот, побольше.

– То есть, я так понимаю, «Вегас» действующее заведение, – кивнул Туров, отрывая кусок лаваша. – У кого соус?

– И клуб походу в районе, где работал Самохин. А он его крышевал. И неплохо так крышевал, судя по обстановочке у него дома.

Матвеев покосился на Сечина. Тот среагировал сразу:

– Я этого Самохина не знал почти. Привет-пока и все. Картошку фри кто будет?

– Капитан возможно не в курсе, – отметил Туров, кивком реагируя на предложение Сечина и протягивая руки к пакету с картофелем. – Я ему удочку закинул про «Вегас», но капитан и ухом не повел.

– Или он просто такой тупой, что не сообразил, что это была удочка, – буркнул Савченко, ковыряясь вилкой в кон-

тейнере с копченой капустой. – В участковые у нас не гении идут, да, Сечин?

– Пошел ты. Капитан как шеф опорника по совещаниям бегают на бумажки в кабинете перекладывает.

– Значит, что-то знать могут другие участковые, кто землю топчет, – Матвеев поковырял в зубах. – А вот мясо жестковатое, а?

Убойный отдел располагался на третьем этаже городского управления внутренних дел и занимал всего лишь два кабинета: в одном шеф, майор полиции Кузьмин, во втором – опера. На четверых – Туров, Савченко, Сечин и Матвеев – у них было пять столов. Пятый был одновременно и импровизированным кафетерием с чайником, кофе, сахаром и вечно липкими недомытыми кружками, и столовой. А обеды в группе по расследованию убийств были знатные: всегда из нескольких блюд, с салатами и закуской. Ларчик открывался до неприличного просто. Жена Сечина работала поваром в крупном гипермаркете и уносила домой нераскупленную за день еду. Сечин же забирал часть этих контейнеров на работу и кормил коллег.

– В этот опорник Толяна перевели, Мещерякова, – Сечин отодвинул пустой контейнер, снова рыгнул и бросил вилку. – Все, не могу больше, сейчас из ушей поперет... Мы с Толяном работали вместе. Видел сегодня его.

– Он сказал что-нибудь?

Сечин непонимающе посмотрел на Турова.

– На тему? Да просто поболтали. Пивка выпить как-нибудь договорились.

– Забавно. – Туров с трудом разжевал и проглотил жесткий кусок говядины. – Миш, нет желания попить сегодня?

Сечин все еще не понимал.

– С тобой?

– Миш, соберись.

Матвеев хохотнул и едва не подавился. Только теперь до Сечина дошло.

– А, вот оно что... Да не вопрос. Толян только рад будет.

– Лады. – Туров вытер руки салфеткой. – Паш, чайник там горячий, нет?

– Как вы обо мне узнали?

– Маргарита, вы встречаетесь с Борисом Самохиным?

– Как вы обо мне узнали? – словно не слыша Матвеева, с напором повторила дама.

– В списке контактов его сотового. Вы часто созванивались. Можно войти?

Дама снова проигнорировала вопрос Матвеева.

– Это он звонил. Я подъезжала. Мы с ним... встречались. Раз три-четыре в месяц и все.

Матвеев иронично хмыкнул:

– Без обязательств? Все как у современных деловых жен-

щин?

– Я ничего не знаю ни о нем, ни о его делах.

– Он вам, простите... помогал деньгами?

– Какое это имеет значение? – взвилась дама. – Сказала же, я видела его несколько раз в месяц! И нам не до разговоров было, понимаете? Я не знаю ничего.

– Послушайте, – Матвеев мог продолжать до бесконечности, он был спокоен как удав, но нужно было держать марку. – Пропал полицейский, это ЧП. Если вы будете разговаривать так, я тоже начну по-другому. Мы можем прокатиться в отдел, например. Есть желание?

Маргарита запыхтела.

– Нет, нету.

– Давно работаете?

– Я индивидуалка, – после паузы проворчала она. – Обслуживаю на дому. Живу на участке Самохина, как видите. Так и познакомились.

– Он вас прикрывал?

– Что-то вроде.

– За?

– Три-четыре раза в месяц у него, я же вам сказала.

– То есть, денег вы ему не давали?

– Денег? – фыркнула Маргарита. – Вы у него дома были? С деньгами у него проблем не было, если что. Так что он брал просто... ну, натурой. Три-четыре раза в месяц.

– Откуда у него деньги были, он не говорил? Может, слу-

чайно, ненароком, по пьяни или, там, после секса?

– Я вам серьезно говорю, – устало покачала головой Маргарита. – Я ничего не знаю о нем и его делах. Кто я ему такая, чтобы он со мной лясы точил? Отработала – до свиданья, – и тут же она демонстративно посмотрела на часы. – Слушайте, это вообще надолго? Я на шейпинг хожу. Мне нужно форму поддерживать... если вы понимаете.

Матвеев понимающе заулыбался.

– Конечно. Как без этого. Кстати. Вы в курсе, что держать себя в отличной форме помогает йога? – он ловко выудил из кармана визитку и протянул Маргарите. – Вот, здесь сайт указан. Там очень дешево, а первый урок бесплатно.

Маргарита оторопело уставилась на Матвеева.

– А вы... точно из ментуры?

Криминалист включил переносную флуоресцентную лампу. От отражателя хлынул синий свет, заливая ультрафиолетом пол под ногами криминалиста.

– Что нашел? – снова спросил Туров.

– Сейчас сам увидишь.

Они находились в той части гаражей городского УВД, которая была застолблена за экспертно-криминалистическим отделом. Покореженные черные останки «Ситроена» Самохина стояли у стены, рядом с двумя другими – менее повре-

жденными – автомобилями, тоже присланными сюда на экспертизу.

– Идем сюда.

Криминалист натянул перчатку и поддел крышку багажника. Она медленно поползла вверх, сбрасывая с себя хлопья сажи – словно перхоть с головы. Эксперт направил луч лампы внутрь.

– Смотри.

Туров заглянул в багажник. Свет ультрафиолета выхватил металлическое днище багажника – его правую половину. На обуглившемся днище виднелись несколько бесформенных, словно тучки в ненастье, ярко-голубых пятен – одно размером с приличную тарелку, два других помельче – с блюдце.

Туров все понял.

– Только на полу?

– Угу. Пробы уже взяли. Не знаю, смогут группу определить или нет, у них спроси. – криминалист поковырял в носу. – Понимаешь, что это значит?

Туров вздохнул.

– Здесь перевозили труп.

– Не просто труп...

– То есть?

– Обрати внимание, – криминалист ткнул в сторону, где кривыми обугленными нитками лежали лохмотья неопределенного происхождения. – Это же багажник, то есть, здесь

коврик был.

– И?

– Само собой, коврик сгорел полностью. После него какие-то сопли только остались, вот они. А все эти дела сквозь коврик протекли.

Туров нахмурился.

– То есть, кровь хлестала конкретно.

– Не то слово. Чтобы сквозь толстый коврик протекло, я не знаю, сколько там вытечь должно было. Литра полтора-два, не меньше. Так что тот, кого тут перевозили... над ним славно поработали.

– Черт, – хмуро вздохнул Туров. – Значит... значит, мокруха.

Глава 2

Туров поднялся на третий этаж управления. Из кабинета ему навстречу, натягивая куртку, выскочил Матвеев.

– О, вот он. Давай, пока, – Матвеев торопливо сунул ему свою ладонь для прощанья. – Мне на тренировку бежать. Но утром я пораньше приду и до развода успею обработать часть материалов из опорника.

– Лады, давай, до завтра.

Из открытой двери кабинета донесся саркастический скрип Савченко:

– Сифилис там не подцепи, тренер. Йога от сифилиса не помогает.

– А ты откуда знаешь? – хохотнул, парируя, Матвеев и убежал к лестнице.

Туров вошел в кабинет. Савченко сидел под светом настольной лампы – за окном уже темнело – и хмуро и без всякого интереса перелистывал бумаги по делам Самохина.

Туров вкратце пересказал новости от криминалистов. Савченко лишь пожал плечами – было видно, что ему плевать. Поэтому Туров, не говоря больше ни слова, просто налил себе кофе и тоже уселся за бумаги. Нужно было перелопатить целый ворох документов – им было необходимо понять, чем занимался Самохин за последние три года в опорнике – и попытаться найти в этом стогу сена (бумаг) ту самую заветную

иглолочку.

Савченко отодвинул бумаги. Какое-то время он просто сидел, глядя вникуда потухшим взглядом. Затем взял сигареты и, приоткрыв окно, закурил. Вечером опера курили прямо в кабинете, несмотря на запреты.

Изучая материалы, Туров покосился на него.

– Похмелье?

– Я не пил вчера, сказал же.

– Как знаешь.

Савченко не ответил. Туров наткнулся на знакомую фамилию в одном из рапортов Савченко годичной давности. Бормоча ее себе под нос, чтобы не забыть, разворошил бумаги в соседней – уже просмотренной – папке и удивительно быстро нашел нужную.

– Смотри-ка. Тут темка интересная. Самохин на одного алкаша уже трижды телегу катал за последние полгода. Сначала пытался привлечь его по 158-й¹, потом по хулиганке, потом содержание притона. Но алкаш каждый раз соскакивал, потому что вот свежая бумажка. Жалоба соседей на того самого алкаша.

– Угу, – отозвался Савченко.

– Может, алкаш не стал ждать, когда Самохин попытается закрыть его в четвертый раз? Как думаешь?

Савченко только пожал плечами. Неодобрительно покосившись на него, Туров взял блокнот и выписал данные –

¹ Статья 158 УК РФ – кража.

ФИО, адрес, дату рождения – кандидата в подозреваемые.

– Пробить его нужно. Матвееву записку оставлю, пусть утром занимается.

Савченко затушил сигарету в банке, приспособленной под пепельницу.

– Сань.

– А?

– Пошли выпьем.

Туров одарил его долгим взглядом.

– Слушай... завязывай ты, а.

– Вчера я не пил, – буркнул Савченко. – Позавчера кстати тоже. С чем завязывай? Обрекай свои мысли в более, б... дь, связные словесные формы.

Сам Савченко обожал обречать свои мысли в смесь излишне заумных формулировок и подзаборного мата.

– У нас работа.

– Я тебя умоляю, трудоголик, – поморщился Савченко. – У нас ни зацепок, ни даже труп. ППСы и опера с земли город прочесывают. А эту кипу макулатуры ты хрен знает, когда разберешь.

– Коль...

– Завтра вместе сядем вплотную. А сейчас – пошли выпьем.

– Коль... – устало повторил Туров, но Савченко настойчиво перебил его:

– Слушай, когда я тебя последний раз просил об этом?

Выпей, сука, с напарником! Хорошо рогом упираться. Я что, часто прошу? Мне нужна компания, Туров. Не будь ты скотиной уже. Нужно выпить, Сань.

Туров обреченно покосился на бумаги и на Савченко. В глазах опера была такая безнадега, что Туров не смог отказать. Вздыхнув, он встал и стянул со спинки стула свой пиджак.

– Хрен с тобой... Пошли.

Так вышло, что в этот вечер выпивал почти весь личный состав убойной группы угрозыска городского УВД. Потому что Сечин, как и было решено, отправился в бар с участковым Толяном.

– Как тебе в операх-то?

– Да как... Свои минусы конечно тоже есть. Квартиру хрен когда дадут, например.

– Ха! – Толян прислонил опустевшую кружку к установленной на столе пятилитровой канистре с краником и принялся наливать себе еще. – А у меня что, думаешь, хата казенная есть? Мне от дома до участка полчаса пиликать! А как что-то серьезное – один хрен поднимают и вперед! Десять лет уже обещают.

– А мне даже не обещают, шаришь в чем разница?

Толян салютовал наполненной кружкой.

– За наших командиров.

– Ага, за отцов-основателей, блин, – Сечин хохотнул и сделал большой глоток.

– Зато в уголовке в штатском ходить, – продолжал Толян. Он явно был неравнодушен к работе в угрозыске. – И поинтереснее.

– Когда как. Так-то та же бутовуха драная, что и везде.

Пиво кончалось на удивление быстро. Сечин тоже принялся доливать в кружку. Ухмыльнулся:

– А, да что я тебе говорю? Мы полгода назад с тобой где встретились? На заказном блин убийстве крупного мафиози?

Толян поморщился, вспоминая.

– Мда. Те бомжи тогда устроили жесть конкретную. Вся комната была в мозгах... Я даже блеванул малость.

Уже изрядно захмелевший Сечин покивал, а затем, расплывшись, поднял кружку:

– За мозги!

По пути к Савченко тот зашел в магазин, велел Турову ждать в машине. Туров попытался сопротивляться, но Савченко и слушать ничего не хотел. Когда он вышел из магазина, Туров понял, почему: Савченко набрал столько водки, что можно было спить небольшой поселок. Остаток пути

Туров ворчал, предупреждая, что не собирается устраивать пьянку на всю ночь, потому что у него семья. Савченко просто молчал, хмуро глядя в окно.

Они расположились на кухне. Савченко вскрыл закуску – он купил уже нарезанные хлеб, колбасу и даже помидоры – чтобы не тратить времени на сервировку. И сразу же наполнил рюмки. Он выглядел так, словно умрет, если немедленно не выпьет. Турова это откровенно напрягало.

– Задрало меня все, Сань, – пробормотал Савченко, когда они оприходовали около половины бутылки. – Конкретно задрало...

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что так и есть. Эта работа драная. Этот Кузьмин драный. Вся эта драная ментура, чтоб ее... дождем намочило. Это начальство, тупоголовое, словно их в 3D-принтере одним скопом распечатали и разослали бандеролями по всем отделам и главам. Вся эта драная жизнь... Все достало.

– И что делать? Сидеть и жаловаться?

– Пить.

Савченко принялся снова разливать водку, хотя они выпили меньше полминуты назад. Туров засопровтивлялся:

– Э, чуть помедленнее, кони! Если ты вдрыбаган хочешь нажраться за пять минут, вперед, но завтра...

Савченко его не слушал. Налив лишь себе, залпом выпил. Поморщился, закрыл рот ладонью и зажмурил глаза... да так и остался.

– Коль? – Туров забеспокоился. – Тебе если нехорошо, то ты это, в ванную...

Савченко невесело хмыкнул и закурил. А Туров с изумлением для себя увидел, что у напарника мокрые глаза. Это было так непривычно и даже дико, что Туров просто не сообразил, как реагировать.

– Сегодня 23 мая, Сань.

– Что?

– 23 мая.

И только тут до Турова дошло. Он издал протяжный возглас, похожий на стон, и мысленно обматерил самого себя. Как он мог забыть! Конечно, год в полиции – это два, а то и три, года в жизни обычного человека, но все же...

– Вот черт, – сказал он. – Я забыл, Коль. Прости.

– Ты человек. А это была не твоя жена... Ты ее не знал даже.

– Год назад мы с тобой надрались... Я должен был запомнить. – Туров покачал головой. – Почему Кузе ничего не сказал?

– Я должен белугой орать? – горько хмыкнул Савченко. – «Мне хрен положить на вас и особенно на тебя, рыжее бородатое чмо с комплексом неполноценности, и на вашу работу! У меня горе, семь лет назад убили мою жену и ребенка, так что катитесь вы все в задницу и отвалите от меня, особенно ты, рыжее бородатое чмо!». Так?

– Нет, но...

– Кузьмин пошел нах. Этому хрычу нужно наверх пролезть. А связей у него нет, поэтому он нас дрючит, чтоб за счет показателей хоть как-то пробиться. Больше его ничего не колышет. Поверь мне, я в людях получше твоего разбираюсь.

Это была правда.

Савченко снова взял бутылку. Теперь Туров не сопротивлялся. Они выпили в полной тишине.

– Та падла бухая была, – сказал он. Голос звучал хрипло. – Повезло, что сам сдох. Так я бы ему вот этими пальцами его глотку... Не справился, б... дь, с управлением... Вылетел на тротуар и размазал мою жену по стенке. Ну не справился, б... дь, с управлением, с кем не бывает!

Они выпили снова. А потом еще. Савченко снова закурил. Чем сильнее он пьянел, тем больше внутренняя боль прорывалась наружу.

– Ребенок сразу, само собой... Шестой месяц. От него в утробе не осталось даже ничего. Всмятку просто. А Валя... она боролась за жизнь. Неделю боролась за жизнь, Саня. Несколько операций. Искусственная кома... – Савченко помолчал. Сглотнул подступающий к горлу комок. – Я жил там. В этой больнице. Всю неделю. Не мылся, не жрал... Только курил и вздрагивал каждый раз, когда мимо проходил врач. Я так надеялся... Сань, я не молился никогда. Никогда в своей жизни – ни до, ни тем более после. Но тогда... Я молился не переставая. Я надеялся на чудо. На хотя бы

одно единственное чудо в моей драной жизни. Всего б... дь одно, мне не нужно было много! Но через шесть дней...

Савченко помолчал. Мысленно он был там, в коридоре больницы семь лет назад. Грязный, небритый, с кругами под глазами, горем в душе и отчаянной надеждой в сердце.

– Я не помню, как домой вернулся, – голос уже пьяного Савченко дрожал. – Зато помню, как зашел сюда. Знаешь, что я увидел? Кроватку. Мы только за два дня до аварии купили кроватку. Я зашел сюда, а здесь уже вонь стоит, неделю никто окна не открывал. Духота, темно. И эта кроватка... В которой никто никогда не будет спать... А на ней кофта Вали. Второпях оставила, когда на работу собиралась... – Савченко издал резкий звериный стон: – Б... ДЬ...!

И замолчал. Туров взял бутылку и теперь уже сам разлил водку по рюмкам. Он не смотрел на Савченко. Не стоит смотреть на человека, который плачет.

Посмеиваясь, оба выпили. Закусили чипсами. Толян привычно похлопал себя по карманам:

– Что, покурим может?

Сечин кивнул. Курить официально в заведении было нельзя, но неофициально и для каждого посетителя – выкуривай хоть по пачке за присест в крохотном предбаннике. Пошатываясь, Толян побрел к двери. Когда оба закурили,

Сечин перешел к главному.

– Это. Самохина-то вашего в натуре убили.

– Чего?

– Кровь в багажнике. Его мочканули, походу, и везли в тачке. А он там кровью истекал... Потом его где-то скинули, а тачку спалили. Но следы остались. Так что...

– Б... дь, – пробормотал Толян. – Это пипец же просто. Мента завалить так вот! Какая гнида блин могла?

– Мне тоже интересно, ага.

– Не то что мы с ним кореша были знатные, но... бок о бок работали, понимаешь? Такой же мент, как и я. Свой. Один из нас.

– Базара нет, – согласился Сечин, пытаясь собрать расплывающиеся под воздействием пары литров пива мозги в кучу. – Один из нас... Слушай, братан. Только по чесноку...

– По-любому.

– ...Самохин брал на лапу, а?

Икнув, Толян покосился на Сечина. Тот тут же буркнул:

– Я, твою мать, УСБШник тебе, что ли? Мы ищем уroda, которые мента порешили. А вдруг оттуда след?

Толян молчал.

– Братан, он в семь вечера ушел из опорника. Через пять минут позвонил на какой-то левый номер. Шаришь, нет? И больше его никто не видел. Кому-то позвонил – и тю-тю участковый Самохин.

Толян молчал. Сечин начал злиться.

– Шикардос! Да и хрен с тобой. Твою мать, мы ищем убийцу мента. Один из нас, говоришь? Во-во. Один из нас. Лично мне срать, чем он занимался. Я хочу найти того, кто его порешил. На остальное плевать.

Толян сбросил пепел на пол, вздохнул.

– Ну ты знаешь, как это делается. По мелочи каждый как-то крутится.

– Не дурак, сам на участке не один год отпахал. Но у меня такой хаты, как у Самохина, не было и не будет.

Толян поколебался.

– Он какую-то точку крышевал.

– Казино?

– Че? – напрягся Толян. – Ты в курсах что ли?

– У него дома фишки нашли, как в казино. «Вегас» там написано.

– Ааа. – Толян успокоился. – «Вегас» или «Шмегас», не знаю.

– Капитан ваш знает?

– У нас опорник – два кабинета. Сам-то как думаешь? Самохин ему наверняка отстегивал. А тот вопросов не задавал.

– Толян, где эта точка находится?

– Где-то на его участке, где же еще? Я даже не знаю, казино это или просто игровой клуб с автоматами. – Толян икнул. – Самохин адрес этой точки на каждом углу не развешивал, сам понимаешь. Кто будет трепаться про корову, ко-

торую доишь?

Голова раскалывалась. Туров с трудом поднялся с кровати, чувствуя при этом, что часть его сознания продолжала спать. Его мутило. До ушей донесся грохот тарелок на кухне. Туров всегда спал очень чутко, но сейчас даже под этот звон с кухни он едва не вырубился снова. Собрав волю в кулак, Туров заставил себя подняться и прошествовал в ванную.

Он включил холодную воду. Подождал, пока она стечет и не станет почти ледяной. Умыл помятое и горячее с похмелья лицо. Стало чуть лучше.

Диана завтракала хлопья, а Наташа у плиты что-то жарила. Когда Туров вошел на кухню, Наташа хмуро на него покосилась.

– Проснулся?

– Привет. Зайка, как дела?

Туров поцеловал Диану в волосы. Та сразу затараторила что-то про школу, учительницу и подруг – Туров с трудом воспринимал ее слова. Обезвоженный организм требовал воды. Туров налил большую кружку и залпом осушил ее.

– Сушнячок? – также хмуро и чуть ехидно осведомилась Наташа.

– У нас кефир есть какой-нибудь?

– В следующий раз когда решишь нажраться, можешь

прикупить заранее.

Диана с опаской поглядывала на родителей, понимая, что мать злится. Туров перехватил взгляд дочери.

– Наташ, не сейчас.

– Ты знаешь, во сколько приперся? – Наташа уже накрутила себя и не планировала вот так останавливаться. – Тыкался в коридоре, ронял что-то, ругался... Побудил всех! Знаешь, сколько времени было?

Туров вздохнул.

– Вчера у Савченко годовщина была. Его жена семь лет назад умерла. Я не хотел, но... Сама понимаешь.

Эти слова чуть охладили пыл Наташи. Но совсем немного.

– Семью надо ценить, пока она есть, – проворчала Наташа, сделав акцент на «пока».

– Сказал же, извини.

– Не сказал, – отрезала она. – Лучше бы вообще не приходил. Ты торчишь на работе сутками, приходишь под утро, да еще и пьяный... Оно мне вообще надо?

От голоса Наташи стучало в висках. Туров налил себе еще воды.

– Извини, – повторил он.

Наташа сделала вид, что не слышит, и принялась рьяно греметь ложкой, перемешивая содержимое сковороды – чтобы не слышать возможных возражений. Диана продолжала поглядывать то на отца, то на Наташу. Туров ободряюще улыбнулся ей. Но вышло так себе.

Вторым недовольным за это утро оказался Кузьмин.

– Где Савченко?

Опера переглянулись. Туров вздохнул, потягивая минералку.

– Савченко звонил, сказал что задержится, – соврал он. –

Приедет попозже.

– Почему он не позвонил мне?

– Понятия не имею, Валерий Анатольевич. Приедет – спросите у него.

Кузьмин вряд ли верил Турову, понимая, что тот просто прикрывает напарника. Кузьмин сухо хмыкнул каким-то своим мыслям, но вернулся к делу.

– Мне прислали копию заключения экспертизы по машине Самохина, – для убедительности Кузьмин взмахнул бумажкой. – Кровь в багажнике точно его. В медкарте Самохина были все необходимые данные для сверки. Причем кровь артериальная.

– То есть там не просто палец прокололи? – уточнил Сечин. Судя по лицу, он тоже страдал с похмелья.

– СК уже возбудил 105-ю². Сегодня в городе совещалово по этому поводу. Еду я. А вы постарайтесь сделать все, чтобы мои слова «мы работаем» звучали как можно более убедительно. Всем понятно? – нестройный хор и кивки подтвердили Кузьмину, что понятно всем. – Итак, город прошерстили,

² Статья 105 УК РФ – убийство.

труппа нет. Шпану на участке Самохина местные перетрясли, ниточек нет. Так что надежда на авось не проканает здесь. Надо работать. Что с материалами?

Матвеев кашлянул.

– Мы проверили часть материалов, которые проходили через руки Самохина. Пока закончили с делами только за последний год. Выбрали двух клиентов. Первый... – Матвеев быстро начал листать блокнот в поисках имени.

– Огосян, – подсказал Туров. – Алкаш с участка Самохина, которого Самохин три раза пытался закрыть.

– Да, Огосян. Есть еще и второй кандидатик. Фамилия Потеря.

– Как? – поморщился Сечин.

– Ну, Потеря.

– Как потеря потерь? – Сечин хмыкнул. – Шикардос.

Матвеев одарил его обреченным взглядом и вернулся к шефу:

– Так вот, Валерий Анатольевич, этот клиент поинтереснее. Две судимости за разбой и кражи. Полгода назад Самохин взял его сразу после очередного дела, почти с поличным. И что вы думаете? Суд ему условку дает.

– Обычное дело, – пожал плечами Кузьмин.

– Обычное, да, но приговор оглашали всего пять дней назад. Типа с двумя ходками выпускают – а через четыре дня пропадает участковый, который его брал...

– Хорошо, я понял. Проверьте их как следует. Но при этом

продолжайте изучать старые дела. Никогда не знаешь, что может выстрелить. Так, а игровой клуб?

Сечин вздохнул.

– Я пообщался, так сказать, между нами – мальчиками, с одним из участковых в опорнике... Есть две новости. Плохая и... не очень хорошая. Самохин в натуре крышевал эту точку, Валерий Анатольевич. Но где она – никто не знает.

– Значит, так. У нас есть «Вегас» и у нас есть версия с цыганами. Отрабатывать нужно обе. Так что ищите, – велел Кузьмин. – Напрягайте агентуру. Подключайте местных, пусть они работают, все-таки их земля. Но нам нужны и цыгане, и казино.

На столе Кузьмина зазвонил сотовый. Он взял трубку, назвался, а рукой махнул операм – все свободны. Но как только Туров не без труда поднялся, Кузьмин на секунду накрыл микрофон трубки ладонью и бросил ему:

– Туров, задержись.

Опер послушно опустился назад. Кузьмину звонили откуда-то из города. Поговорив, он повесил трубку. Закурил, пододвинул к себе пепельницу.

– Что за дела, Саш?

– Простите?

– Я про Савченко. От тебя сегодня перегаром прет. Хорошо хоть на работу пришел. А Савченко вообще в небытие провалился. Поэтому я и спрашиваю: что за дела?

Туров тяжело вздохнул. Его все еще слегка мутило – нуж-

но было выпить горячего кофе. А вот вести сложные разговоры он был сейчас способен меньше всего.

– Вчера у него сложный день был. Семь лет назад... его жена беременная... Ну вы поняли.

Кузьмин понял.

– Черт возьми... Надо как-то пометить у себя, что ли. На будущее.

– Хорошая идея, ага.

Кузьмин помолчал.

– Но опять-таки. Можно было подойти ко мне и нормально, по-человечески все объяснить. Я не чурбан, у самого жена и дети. Но Савченко предпочитает игнорировать меня как явление. Либо он слишком большого мнения о себе, либо слишком маленького мнения обо мне. И то и другое я не приемлю.

– Ну а я здесь при чем, Валерий Анатольевич, – взмолился Туров.

– Поговори с ним. Будет продолжать забивать на работу – его награды его не спасут. Я шеф отдела, и у меня есть свои рычаги и свои способы. Хочет работать – пусть работает. Не хочет – до свидания. Просто передай ему.

Туров кивнул.

– Можно идти?

Уже у двери он столкнулся с Матвеевым, который заглянул в кабинет Кузьмина.

– Валерий Анатольевич, у нас мокруха.

Глава 3

Это была стройка двух-подъездного жилого дома. Сколько этажей предполагалось построить, было неясно – рисунка-проекта будущего здания на заборе не было, а строители осилили только первые два этажа. Но на огороженной металлическим быстровозводимым забором территории стройки лежала гора кирпичей и высилась широкая неровная колонна бетонных плит высотой в два человеческих роста. В конце территории виднелся бытовой вагончик, около которого стояли две машины ППС. Туров направил машину туда, мельком глянув на кучку мужичков в строительных робах – они толпились в стороне, курили и пили воду из принесенных с собой бутылок – и с опаской и любопытством косились на полицейских.

– Здорова, – поприветствовал Турова и Матвеева один из ППСников, Туров знал его в лицо, но не помнил имя.

– Где?

– Внутри, где еще. Мы накрыли его куском брезента.

– Там жуть, – добавил более молодой ППСник.

Туров заглянул в вагончик. Два лежака, стол, шкаф. И полный бардак. Содержимое шкафа и стола – посуда, кастрюли-ложки-кружки, бумаги, спецовки и прочее – было раскидано повсюду. Вагончик стоял на колесах, и Туров, не поднимаясь внутрь, заметил на полу пыльные следы

от кроссовок.

– Не топтались на полу? – уточнил он у ППСников.

– Нет, конечно. Зашли бочком и все.

Туров осторожно поднялся, приставил ногу к одному из следов. Чуть больше, чем его.

– Сорок третий, – Туров обернулся. – Поставь тут что-нибудь, чтоб не затоптали. Кто труп нашел?

Молодой ППСник принес кирпич, но Туров забрал его и сам установил около следов от кроссовок.

– Агафонов Иван Трофимович, – ППСник, чье имя Туров не помнил, сверился с блокнотом. – Рабочий, который первым пришел.

– Размер обуви его посмотри.

ППСник кивнул и отправился к толпе мужичков в робе. Туров шагнул к телу, накрытому брезентом. С предосторожностями внутрь взобрался и Матвеев. Быстро осмотрел вещи на полу, стол, принялся.

– Пьянки не было.

Под брезентом Туров увидел труп. Мужчина лет 45—50, плотный, крепкий. На шее и груди ножевые ранения. Голова повернута боком, светлые волосы на затылке слиплись и почернели. Туров пощупал шею трупа.

– Холодный уже. Ночью или даже вечером.

– Что они искали? – спросил Матвеев.

– А что они могли искать?

– На стройке? Золото-бриллианты.

– Голову проломили. Плюс ножевые.

– Опа.

Матвеев заметил что-то на полу. Склонился, достал ручку. Это была гильза. Он вдел ручку внутрь, поднял гильзу, осмотрел.

– Травматик.

Вернулся ППСник, заглянул внутрь.

– У Агафонова ботинки старые, 39 размер.

– Ясно. – Туров почти не надеялся, что нашедший труп и окажется мокрушником, хотя такая вероятность такая была в каждом новом случае. – Кто убитый?

– Начальник участка, Павлов. – ППСник снова сверился с блокнотом. – Иннокентий Геннадьевич, 47 лет.

– Ваш сосед, Огосян, знаете его?

– Чесс слово, лучше бы не знала.

– Жить мешает?

– Не то слово, – обрадовалась бабушка, которой слова Сечина буквально легли в струю. – От него весь подъезд стоит! Алкоголик недобитый, чесс слово.

Сечин обернулся на двух оперов из местного ОВД, которые топтались около машины, и присел с бабушкой на скамейку.

– Пьет, хулиганит, шумит?

– Если бы просто шумел... Он конченный, просто конченный алкаш, чесс слово вам говорю! Один раз соседи ремонт делали, ванную вынесли в подъезд... Ну, выкинуть чтобы.

– Ага, – подбадривал ее Сечин.

– Так эта... собака – не знаю как его еще называть! – спал там. Представляете? Люди утром на работу выходят, а он там спит. В луже чего-то... Боюсь даже подумать, чего, чесс слово.

Впечатлительная бабушка поежилась. Сечин хохотнул, но, чтобы не «отпускать» бабушку, тут же вместе с ней поохал и поахал. Бабушка закивала – да, мол, все именно так и есть («чесс слово!»). Пора было переходить к делу.

– Скажите, а позавчера вечером видели его?

– А что это у нас было?

– Воскресенье.

Бабушка крикнула, Сечин даже вздрогнул – но оказалось, это она так саркастически хмыкнула.

– Воскресенье! Ну конечно! У нас тут каждые выходные – ужас настоящий! Вся эта алкашня куролесит просто по-черному, чесс слово! И этот отличился. Весь день блукал по двору, искал компанию, с кем бы выпить. А вечером – что вы думаете?

– Что?

– Нашел, с кем выпить! Вон там вон, на детской площадке, – бабушка махнула палочкой вглубь двора, – Они тамечно околачиваются. Будто для них строили. Дети, тоже мне...

Чем такие дети, лучше никаких, чесс слово.

– Ваша правда, бабуль. Значит, он там был? И как долго? Допоздна, наверное? Или потом ушел куда-то?

Она снова крикнула.

– Ушел, да куда он уйдет! Я уже спать ложилась, они там все пили пиво свое. В окно слышала их матюки. Животные, чесс слово, даже хуже. Животные хоть тупые, да хотя бы не пьют, правда?

– Не все, – согласился Сечин. – Это точно воскресенье было?

– Точно-точно. Мне Никитична рассказывала, она в окно видела, как часов в двенадцать ночи к ним милиция подъехала. Ну, не такие как вы, а эти, настоящие.

– Настоящей меня еще поискать надо, – оскорбился Сечин.

– В смысле, в форме. Подъехали, разогнали их. Так половина алкашей к этому Огосяну пошла и дома у него еще буянили часа два. Животные, чесс слово...

Работа на стройке продолжалась до обеда. Криминалисты сделали снимки и слепки следов предполагаемого убийцы в кроссовках. Следователь окунулся в работу по составлению протокола места преступления. Все это время рабочие кучковались в стороне – им не давали ни работать, ни расхо-

диться. Затем Туров и Матвеев принялись за опрос ставших заложниками ситуации работяг.

– Ни с кем Геннадич не ругался, – упорствовал один. – Он нормальный мужик, давно у нас бригадиром. Он половину народа сюда и подтянул. Кто будет ругаться с тем, кто его кормит?

– Всякое бывает, – позже возражал другой. – Все люди. Один не придет, второй забухает... Как везде, понимаете? Но чтобы убивать...

– Павлов часто по вечерам задерживался?

– Редко. Только когда деньги привозили, он оставался...

– Деньги? – насторожился Туров.

– Ну да. Вы не знали?

– О чем?

– Так это... Нам сегодня зарплату должны были выдать. За месяц. Вчера Геннадич сказал, что заказчик расплатился за часть выполненных работ и что завтра, мол, мы получим свое.

Это было уже что-то. Оказалось, налицо банальное ограбление.

– А о какой сумме идет речь?

Об этом знал один из рабочих – именно он накануне ездил вместе с Павловым к заказчику за деньгами. С ним говорил Матвеев.

– Геннадич забрал у заказчика 587 тысяч. Сказал, пока мы ехали.

– То есть, вы знали, о какой сумме речь?

– Я? Ну да. Говорю же, мы вместе ездили за деньгами...

– Что вы вчера делали после работы?

– Я? – растерялся рабочий. – Так это... Домой поехал.

– Живете один?

– Я? – от растерянности рабочий постоянно переспрашивал. – С матерью и бабушкой. Втроем живем.

– Во сколько домой приехали, помните?

– Часов в восемь, как обычно. – рабочий напрягся и побледнел. – Слушайте, я из дома не выходил никуда. Мать и бабушка подтвердят. Я телек смотрел, сериал про врачей по этому, как его... Меня и соседи все видели! Я вечером за пивом выходил... – рабочий вдруг погрузнел. – Блин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.